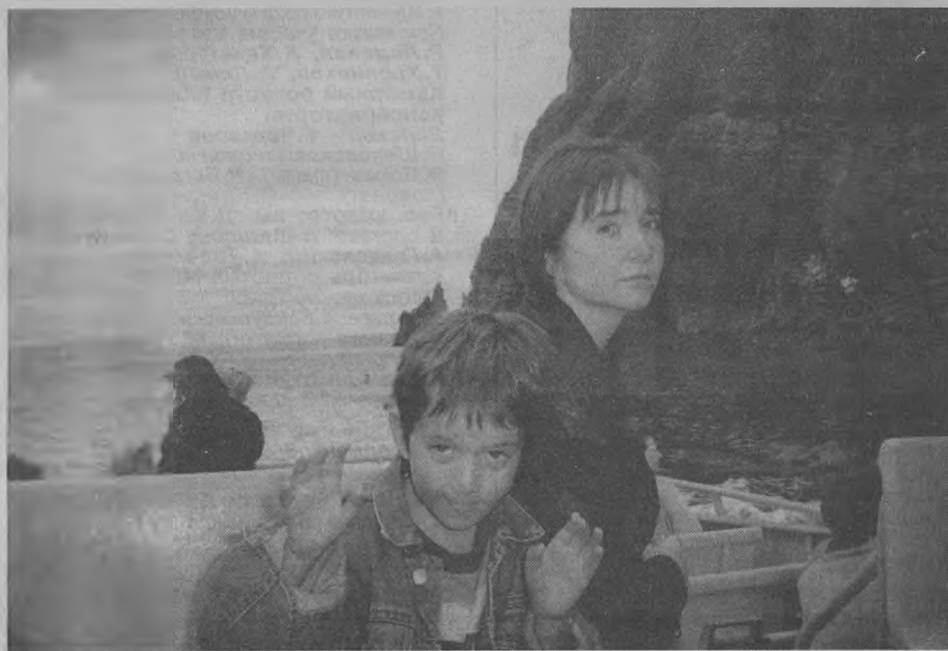

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

КСЕНИЯ, МУЖЧИНЫ И СЛОВА

Похоже, что в канун второго тысячелетия в России наконец-то изобрели средство Макропулоса. Хочешь остаться вечно молодым – стань драматургом. И тогда лет до сорока-пятидесяти ты будешь слышать в свой адрес слова: “Это наш молодой драматург N-ский”. Именно поэтому, когда мне в руки попала пьеса “молодого драматурга Ксении Драгунской” “Яблочный вор”, которая оказалась профессионально, даже блестяще, написана, я сразу представил себе немолодую декадентствующую даму в очках, курящую тонкие папиросы и басом рассуждающую о “глобальных проблемах современного театра”. Когда же на одном из семинаров молодых драматургов и режиссеров под патронажем МХАТ им. Чехова я увидел очень симпатичную, некурящую девушку с плейерными наушниками-“таблеточками” в ушах и узнал, что это и есть Ксения Драгунская, то от удивления чуть не свалился со стула. Дочери знаменитого писателя Виктора Драгунского в этом году исполняется 33 года. “Круглая троечница!” – со смехом говорит она. Драматургией Ксения занимается всего пять лет, но за это время она успела написать более десятка пьес и буквально покорила театральную провинцию. Москва же до нынешнего сезона оставалась к ней равнодушна...

Ксения, среди людей театра от Калининграда до Благовещенска ты считаешься признанным мэтром. Откуда же такое понимание среди провинциальных актеров и режиссеров?

– Не знаю. По-моему, они относятся к моим пьесам как к какой-то диковинке: для них это какой-то другой мир, выпадение из окружа-

ющей действительности. Они ничего не понимают, но им нравится. Очень много смеются. А потом, они там все замучены классикой – Чеховым, Островским. У них уже просто мозги набекрень от этих текстов. Им же надо хоть когда-то нормальным современным языком изъясняться, отдохнуть, что ли.

– И в то же время, не смотря на твою провинциальную славу, москов-

ский театр тебя до последнего времени упорно не замечал. И вдруг сразу две премьеры в столице. В “Дебют-центре” уже вышел спектакль по пьесе “Последние новости мужского платья”. На подходе премьера “Навсегда-навсегда” в театре “Et cetera”. Похоже, успех буквально обрушился на тебя. Интересно, как тебя Калягин нашел?

– Как нашел, как нашел! В журнале прочел! Надо сказать за это спасибо Алексею Николаевичу Казанцеву и его журналу “Драматург”, который всегда охотно печатает молодежь: Ваню Савельева, Олю Мухину, меня, наконец. У меня же все пьесы напечатаны – берут прямо “с колес”. А Калягин, как человек, интересующийся современной драматургией, видимо, именно там меня и заметил.

– То есть сыграл его величество случай...

– Да. В моей жизни многое происходит случайно. Я ведь и пьесы начала писать совершенно случайно. Это просто очередной зигзаг судьбы.

пить чай, болтать с интересными людьми о хорошем кино, смотреть разные интересные фильмы. Ну, два раза в семестр, я, конечно, писала какие-то сценарии. Когда я его закончила, началась перестройка, малокартинье и вообще все то безобразие, которое до сих пор творится в нашем кино.

– И тогда ты “перешла” на пьесы...

– Да. В один прекрасный день (это было пять лет назад) мне позвонила Светлана Новикова (тогда она была заведующей театра “Около”) и сказала, что если написать половину пьесы и отнести ее в Министерство культуры, то можно поехать на семинар драматургов в Рузу. На целых 24 дня! А я в то время как раз сильно замучилась, у меня был маленький ребенок. И я решила – надо ехать. Взяла два своих старых сценария, склеила их вместе, сделала из них пьесу и с ней пришла в министерство. С ней потом и поехала в Рузу. Так появилась на свет моя первая, самая любимая пьеса “Земля Октября”.

– Как-то все просто получается: “взяла”, “склеила”, “сделала”...

– Знаешь, когда я впервые пришла в театр к Александру Александровичу Калягину, милые ребята, молодые актеры меня спросили, как я написала эту пьесу. А я вообще не знаю, что на такие вопросы отвечать. Я стала рассказывать, что однажды на улице мне надо было выпить хлористый кальций, и ситуация мне показалась почему-то забавной. А потом я стала ждять, когда придет еще что-то: текст приходил ко мне отдельными кусками где-то полтора месяца. А когда это все собралось вместе у меня в голове, села и все это записала. Как будто кто-то водил моей рукой.

– Ты не думаешь при этом о конкретном театре, актере, не видишь булгаковской “волшебной коробочки”...

– Нет. Я просто записываю первое, что приходит в голову, и никогда об этом больше не думаю. В театре я ничего не понимаю. В принципе, я к нему равнодушна.

– Странные слова из уст профессионального драматурга, в арсенале у которого более десятка пьес...

– Насчет профессионала – это громко сказано. Какой из меня профессионал?! Я

даже не знаю, что такое “завязка-развязка”. У меня ведь в институте с “теорией драматургии” всегда трудно было. Но знаешь, обычно в теориях хорошо разбираются люди, у которых хреново с практикой.

– Ксения, ты зарабатываешь пьесами на жизнь...

– Ну, на то, чтобы не умереть с голоду, пожалуй, да...

– Сейчас многие провинциальные, да и столичные театры ударились в пиратство и нагло обворовывают драматургов, ставя пьесы без их ведома, не производя отчислений. Часто ли тебе приходится вспоминать о том, что ты – субъект авторского права?

– Тьфу-тьфу, пока Бог милостив. Платят исправно пока все, даже “заграничные” театры. Даже Киевский театр имени Леси Украинки, где идет моя сказка, исправно соблюдает все соглашения. Оттуда мне даже прислали афиши и какие-то рецензии.

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Сейчас я пишу свою двенадцатую пьесу под названием “Ощущение бороды”. Это мистика какая-то: в детстве я написала 11 рассказов, во ВГИКе и на “Мосфильме” 11 сценариев, потом 11 пьес... Поэтому от пьесы я многого жду.

– О чем будет пьеса?

– Это будет пьеса о том, что я люблю больше всего на свете – о мужчинах и словах.

– А еще я знаю, ты очень любишь собак...

– Ага. Только вот моих собак сейчас вывели. Одну застрелили на даче, а другая укусила в живот режиссера, народного артиста Эльдара Александровича Рязанова, и ее куда-то увезли. Я обязательно найду время разобраться с Эльдаром Александровичем и его фальшивым шестидесятилетним гуманизмом, который на деле оборачивается эгоистической тупой жестокостью и безразличием к животным. И к людям тоже... Знаешь, очень хочется сбежать отсюда куда-нибудь подальше, к морю. Но чтобы там обязательно был лес. И собаки. Я хотела бы там поселиться с сыном и писать... прозу!

– Красиво: море, лес, собаки...

– А еще хорошо, чтобы там был цирк...

– Неужели существует место, где все это есть...

– Вообще-то – да. Это поселок в нескольких километрах от МКАД, где стоит мой дом. Там теперь даже цирк есть. Только вот моря к нам пока что не провели...

Валерий КОДАЧИГОВ

